

19 ДЕК 1980

Советская Башкирия
г. Уфа

2207

СОВЕТСКАЯ БАШКИРИЯ

V СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

ВЫСТУПЛЕНИЕ

народного поэта Башкирии, Героя Социалистического Труда

Мустая КАРИМА

Дорогие товарищи!

Каждый наш съезд является не просто очередным большим собранием писателей России, а несет в себе дух желанного праздника, радостное настроение общения. Когда я думаю о том, что в одном зале одновременно находятся сотни писателей — сотни единомышленников и единоверцев, сотни творцов разумного и прекрасного, — меня охватывает особое чувство — чувство восхищенной робости.

Тут же сидят двадцать пять делегатов и гостей из Башкирии — избранники того отряда писателей нашего многонационального формирования, который за минувшее пятилетие заметно умножил свои достижения, обрел большую прозрачность в творческих исканиях, проявил больше мужества в признании своих неудач и промахов. Все это — признаки наступающей зрелости. И это дает нам возможность разделять радость нашего общего праздника.

Однако ощущение праздника еще не дает нам права вести о нашем деле праздные разговоры или предаваться подслащенным словозаливаниям. Время высокого накала и внутреннего напряжения, время больших свершений, смелых помыслов и великих волнений настраивает нас на лад суровой взыскательности в творчестве и объективности в самооценке. Если в моих суждениях обнаружатся некоторые озабоченность и беспокойство, то это вовсе не значит, что вся наша российская литература лишена блистательных взлетов, отдельных поисков, примечательных находок и открытий. Они есть. Как известно, они не в большинстве. И тревога за них — значит за

всю литературу. Тревога не потому, что их не замечают или не оценивают. Замечают, оценивают, хотя порою не сразу. Талант, говорят, сам по себе не защищен. Видимо, это верно. Но он у нас в стране защищается как народное достояние. Это тоже верно.

Опасность в другом. В обстановке всевозрастающей нивелировки в искусстве, заурядности и серости, ремесленничества и подделки возводятся в степень незаурядности, приравниваются к эталонам и, таким образом, смещаются критерии, смешиваются ценности. Если добытые уже золотые россыпи смешать с песком, в выигрыше всегда будет песок, в проигрыше — золото.

Литература во все времена создавалась писателями разных дарований и способностей — от гения, пришедшего на тысячелетия, до скромного поденщика. Это естественно. Так и будет. Но дело в том, что каждому из них и критикой, и общественным мнением, и иными институтами должно отводиться подобающее ему место, даваться соответствующая оценка сообразно значимости факта. Критика наша очень хорошо разбирается в достоинствах отдельных талантливых писателей, отдельных значительных произведений, плохо разбирается в общих недостатках всей литературы в «общем и целом». Она за малым исключением не скажет о хорошем плохо, редко скажет о плохом хорошо, но чтобы она говорила плохо о плохом, чтобы подняла руку на конкретные, отдельные, бесталанные, бесполезные, даже вздорные произведения — этого уже почти не бывает. Может отыщется такой отчаянный критик,

который скажет автору такого сочинения: «Не пиши ты». Но тот все равно не послушается. Если тот же критик через печать скажет читателю: «Эта книга серая, бездарная, бесполезная, ты не читай ее...» может читатель послушаться, наверняка послушается. И то будет польза.

От подобных писаний мы высокомерно отворачиваемся: «Это за пределами художественной литературы!» — говорим мы. А они, локтями расталкивая робких и совестливых, входят сначала в пределы толстых журналов, оттуда перебежывают в пределы пухлых фолиантов и собраний.

Они не думают о пределах какой-то там художественной литературы. Их вполне устраивают отвоєванные ими обширные пределы.

Мне думается, другая не менее опасная беда грядет на художественную литературу. Это — вторичность, порою даже мастерски выполненная вторичность. Тут дело сложнее. Все похоже на подлинник. Ситуации предвзвешенно перенесены на новые места, действующие лица, из личностей превратившись в персонажи, сменили свои имена, облака уже плывут в обратную сторону, в луны другие серьги. Но все равно вдоль и поперек перепахивается то же знакомое нам поле, притом с такой претензией, будто тут прокладывается первая изначальная борозда. Будем великодушными, не каждому дано быть первооткрывателем. Но опять-таки копия не должна выдаваться за подлинник. Только и всего.

В прозе и драматургии в этом как-то еще можно разобаться. В поэзии куда труднее — тут четкая форма, где

нужно, нарочитая разухабистость или неуклюжесть, имитированная взволнованность, вычитанная мысль составляют поразительную схожесть с поэзией. Простым глазом так и не различишь. Вот только сердце, ничем не вооруженное, слепое и глупое сердце отказывается воспринимать такое. Как обидно, что так много появляется новых стихотворных книг, так мало рождается новых поэтов.

Снижение критериев в творчестве, наверное, приводит к снижению норм писательской этики. И, бесспорно, наоборот. Круг замыкается. Таким образом притупляется главный инструмент творчества — совесть творца. Пишущими людьми иногда движет корысть — корысть частная и корысть групповая. Отсюда идет произвольная, независимая от сущности факта, взаимная оценка, невероятно высокая самооценка. Непререкаемость, честь, гордость художника, его преданность искусству в таких случаях утопают в суетливой погоне за мимолетной выгодой. Теперь мы перестаем удивляться, когда иной писатель, считая себя достойным самых высоких почестей, пойдя в определенные учреждения и потребует награду, звание, премию, он еще укажет — именно какую награду, какое звание, какую премию. Результаты таких посещений обычно бывают удачными. Подобное упорство, приводя в смятение всех вокруг, как правило, побеждает.

Я в литературе работаю около сорока пяти лет. Меня с самого начала восхищали достоинство, бескорыстие, честность в спорах, верность истине моих старших товарищей. Они подходили к себе и к товарищам своим с двойной нравственной меркой — к писателю и к советскому. В 1939 году первым из башкирских писателей был награжден орденом поэт Баязит Бикбай. Мы пришли его поздравить. Он не находил себе места от неловкости. Более растерянным и смущенным я его никогда не видел. На наши поздравления он ответил ви-

новатой улыбкой. Это шло не только от его натуры, скорее от его трепетного отношения к святому делу литературы. А ведь он был, действительно, самым достойным из нас. Еще одно воспоминание. В 1943 году на фронте в разгар боев я получил от поэта Гайнана Амири, находившегося южнее меня, письмо. Он восторженно писал о прочитанных им стихах одного молодого башкирского поэта. В конце приписал: «Он, наверное, станет большим, очень большим поэтом. Таким большим, что ему на старости лет при жизни справят юбилей». У нас в Башкирии сейчас таких писателей ровно сто двадцать, кому при жизни, не дожидаясь старости, справляем юбилей. Хорошо справляем.

Товарищи, мы говорим о повышенных требованиях к нашей литературе. Не кажется, они также должны вытекать из повышенной требовательности художника к действительности, к согражданам, к человеку. Как это, например, проявляется в творчестве Федора Абрамова и Юрия Бондарева, Валентина Распутина и Юрия Трифонова, Виктора Астафьева и Василия Белова, Анатолия Рыбакова и Сергея Залыгина. Да и не только у них. Я иногда думаю о том, выражает ли суть нашего дела та формулировка, вошедшая в обиход, что литература и искусство должны отвечать эстетическим запросам общества. Почему им — литературе и искусству — отведена пассивная роль ответчика? Откуда у общества эстетические запросы, если их не выработало бы само искусство?

Миссия нашей литературы и ее ответственность перед обществом в том и заключается, что она сама, произнанная коммунистической идейностью, выдвигает высшие нравственные и эстетические принципы эпохи и доносит их до человека, до общества. Она не может прилаживаться ни к меняющимся вкусам, ни к щекотливым пристрастиям, ни к зыбкой конъюнктуре. Литература не может работать

на потребу. Она, обобщая опыт поколений, повторяя, сама формирует нравственный и эстетический идеал нашего современника. Искусство изначально и вечно трудилось, в конечном счете, на человека, а значит — на коммунизм.

Как человек, имеющий отношение к драматургии, еще вот о чем хочу я сказать. Автор книги любого жанра — единственный ответчик перед читателями. А автор пьесы, воплотившейся в спектакль, такой возможности не имеет. Он выступает вместе с театром как единый творческий организм, сливаясь в один порыв, театр волен в выборе средств для более полного выражения замысла автора, не посягая на его идейные позиции и эстетическое кредо. В действительности оно и так. И это основа. Но бывают досадные нарушения святых законов искусства. Мы были и являемся грустными свидетелями того, какой произвол творится иной раз в театре над классиками в угоду, конечно, не самым высоким «эстетическим запросам общества». Не меньшую анархию и насилие проявляют некоторые режиссеры в идейно-эстетической интерпретации современных пьес, показывая их в не очень правильных зеркалах.

Нас — живых и смертных — успокаивают: «Не только вас, но и Шекспира мы перекраиваем». Не надо резать и перекраивать ни нас, ни Шекспира. Это очень больно — и нам, и Шекспиру.

Я наговорил тут много претензий. В то же время я не столь самоуверенно думаю, что отныне все пойдет по-иному: таланту уступит дорогу посредственности, халтурщик, устыдившись, сначала выкинет пишущую машинку, потом сам выбросится за борт литературного корабля; все критики, не угождая никому, кроме нашей литературы, будут сражаться против серости и мелкотемья, все режиссеры будут вчитываться в текст, словом, все будет хорошо...

А хочется, чтобы было хорошо — и писателю, и читателю.